

Оноре де Бальзак

Темное дело

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.6
ББК 84-4
Б21

Б21 **Бальзак О.**
Темное дело / Оноре де Бальзак – М.: Книга по Требованию, 2012. – 142 с.

ISBN 978-5-4241-3373-2

Действие романа «Темное дело» происходит в 1803 — 1806 годах; сцена в салоне княгини де Кадиньяи, вписанная в эпилоге, относится к 1833 году. В основу сюжета произведения положен действительный исторический факт: похищение сенатора Клемана де Ри, имевшее место осенью 1800 года. Бальзак использует это происшествие для того, чтобы, как он сам пояснял в предисловии к роману, «изобразить политическую полицию в ее столкновении с частной жизнью, показать всю мерзость ее действий». Важное значение имеет изображенный в романе конфликт между заговорщиками-аристократами, сторонниками династии Бурбонов, и правительством Наполеона I.

ISBN 978-5-4241-3373-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Оноре де Бальзак
Темное дело

Господину Маргону, в знак благодарности за гостеприимство в замке Сашэ-де Бальзак.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Неудачи полиции

В 1803 году стояла прекрасная осень — одна из лучших за все первые годы того периода истории, который мы зовем Империей. Выпавшие в октябре дожди оживили луга, и еще в ноябре деревья стояли в пышном зеленом убранстве. Народ уже стал поговаривать о том, что Наполеон, недавно провозглашенный пожизненным консулом, видно, заключил с небесами союз, — в подобных слухах крылась одна из причин его неотразимого обаяния. И странное дело — стоило только в 1812 году солнцу изменить ему, как в тот же день кончились и его удачи. 15 ноября 1803 года, в четвертом часу пополудни, солнце светило ярко, словно осыпало багряной пылью вершины вековых вязов, окаймлявших в четыре ряда длинную аллею барского поместья; под его лучами поблескивали песок и газон огромной площадки, какие можно встретить в деревне, где в старину земля стоила так дешево, что люди позволяли себе роскошь занимать большие участки под парки и цветники. Воздух был до того чист, до того мягок, что все семейство вышло посидеть перед домом, словно летом. Человек в тиковой охотничьей куртке зеленого цвета, с зелеными пуговицами, в таких же штанах, обутый в башмаки на тонкой подошве и тиковые гетры, доходившие ему до колен, чистил карабин с той тщательностью, которая присуща опытным охотникам, когда они предаются этому занятию в часы досуга. Возле него не видно было ни ягдташа, ни дичи — словом, ничего такого, что говорило бы о сборах или о возвращении с охоты, и две женщины, сидевшие рядом, наблюдали за ним, едва скрывая тревогу. Каждый, кто, спрятавшись в кустарнике, наблюдал бы эту сцену, несомненно, содрогнулся бы так же, как содрогались жена и престарелая теща этого человека. Ясно, что никакой охотник не станет столь тщательно готовить оружие, чтобы убить две-три утки, и никто в департаменте Об не воспользуется для этого тяжелым нарезным карабином.

— Ты что — косулю подстрелить собираешься, Мишю? — с притворной шутовщиной спросила охотника его молодая красавица жена.

Прежде чем ответить, Мишю посмотрел на свою собаку, которая грелась на солнышке, вытянув передние лапы и положив на них морду, в той грациозной позе, в какой обычно лежат охотничьи собаки. Вдруг она подняла голову и стала нюхать воздух, то глядя прямо перед собою в направлении аллеи, тянувшейся на четверть мили, то в сторону поперечной дороги, которая выходила на площадку с левой стороны.

— Не косулю, а чудовище, и ни за что не промахнусь, — ответил Мишю. Тут собака, великолепный испанский сеттер, белый в коричневых пятнах, зарычала. — Ну вот и сыщики, — сказал Мишю словно про себя. — Кишмя кишат в округе!

Госпожа Мишю скорбно подняла взор к небесам. Это была прекрасная белокурая женщина, сложенная как античная статуя; она была задумчива и сосредоточенна — ее, казалось, томило гнетущее, беспросветное горе. Внешний облик ее мужа мог до известной степени дать основание для тревоги обеих женщин. Законы физиогномики находятся не только в полном соответствии с характером человека, но и с его судьбой. Есть лица как бы пророческие. Если бы мы располагали точными изображениями людей, кончивших жизнь на эшафоте (а такая живая статистика была бы крайне полезна для общества), то наука, созданная

Лафатером¹ и Галлем², безошибочно доказала бы, что форма головы у этих людей — даже невинных — отмечена некоторыми странными особенностями. Да, рок клеймит своей печатью лица тех, кому суждено умереть насильственной смертью. Именно такую печать увидел бы зоркий наблюдатель на выразительном лице человека с карабином. Мишо был толстый коротышка, порывистый и проворный, как обезьяна, хоть и обладал спокойным характером; лицо у него было белое, с красными пятнами, стянутое, как у калмыка, в комок, а рыжие выющиеся волосы придавали ему зловещее выражение. В прозрачных желтоватых глазах его таилась, точно в глазах тигра, какая-то уходящая внутрь глубина, в которой взгляд смотрящего на него человека тонул, не находя там ни движения, ни тепла. И эти пристальные, лучистые и жестокие глаза в конце концов наводили ужас. Постоянное противоречие между неподвижностью взора и проворством тела еще больше усиливало леденящее впечатление, которое производил Мишо при первой встрече. Живость этого человека должна была служить одной-единственной мысли, подобно тому как у животных вся жизнь бездумно подчинена инстинкту. С 1793 года он отпустил рыжую бороду и носил ее всером. Даже не будь он во время террора председателем Якобинского клуба — одной этой черты его внешности было достаточно, чтобы наводить страх. Эту сократовскую курносую физиономию венчал прекрасный лоб, однако столь выпуклый, что, казалось, он нависает над лицом. Правильно поставленные уши были подвижны, как уши всегда настороженных хищников. Рот, приоткрытый, как нередко бывает у деревенских жителей, обнажал белые, словно миндаль, крепкие, но очень неровные зубы. Его белесое, а местами сизое лицо было обрамлено густыми шелковистыми бакенбардами. Волосы были спереди коротко подстрижены, но отпущены с боков и на затылке; их ярко-рыжий цвет еще сильнее подчеркивал все то причудливое и роковое, что поражало в этом лице. Короткая и жирная шея так и манила к себе меч Правосудия. В тот миг солнце заливало светом эти три фигуры, на которые временами поглядывала собака. Вся эта сцена происходила на великолепном фоне. Площадка находилась на окраине парка в гондревильском поместье — одном из самых живописных во Франции и бесспорно самом богатом в департаменте Об: густые аллеи вязов, замок, построенный по плану Мансара, парк в полторы тысячи арпанов³, обнесенный оградой, девять больших ферм, лес, мельницы и луга. Это прямо-таки королевское поместье до революции принадлежало семье де Симезов. Ксимез — ленное владение, расположенное в Лотарингии. Фамилия Ксимез произносилась «Симез» — и в конце концов так стали ее и писать.

Огромные богатства Симезов, дворянского рода, находившегося на службе у герцогов Бургундских, восходят к тем временам, когда Гизы соперничали с Валуа. Сначала Ришелье, потом Людовик XIV вспомнили, как ревностно Симезы служили мятежному лотарингскому роду, и это послужило причиной их опалы. Тогдашний маркиз де Симез — старый бургиньонец, старый гизовец, старый участник Лиги, старый участник Фронды (он унаследовал кое-какие черты от всех этих четырех восстаний знати против короля) — удалился на покой в Сен-Синь. Изгнанный из луврского дворца, этот вельможа женился на вдове графа де Сен-Синь, отпрыска младшей ветви знаменитых де Шаржбефов, одного из самых знатных родов в старинном графстве Шампань, причем эта младшая ветвь столь же прославилась, как и старшая, а богатством даже превзошла ее. Вместо того

чтобы разоряться, оставаясь при дворе, маркиз, один из состоятельнейших людей своего времени, построил гондревильский замок, скупил окружающие его поместья и присоединил к ним разные угодья — с единственной целью завести хорошую охоту. Он построил также особняк Симезов в городе Труа, неподалеку от особняка Сен-Синей. Эти два старинных дома да еще епископские палаты долгое время были единственными каменными зданиями в Труа. Поместье Симез маркиз продал герцогу Лотарингскому. В царствование Людовика XV сын маркиза промотал все сбережения и часть огромного отцовского состояния; однако впоследствии он сделался командиром эскадры, потом вице-адмиралом и своей доблестной службой искупил проказы юности. Маркиз де Симез, сын этого моряка, погиб на эшафоте в Труа и оставил двух близнецов, которые эмигрировали и находились теперь за границей, разделяя судьбу семейства Конде.

В старину, при «великом маркизе», площадка служила местом сбора охотников (основателя Гондревилья звали в семье Симезов «великим маркизом»). С 1789 года Мишю жил здесь, в охотничьем домике, стоявшем в глубине парка; домик был построен еще при Людовике XIV и назывался сен-синьским павильоном. Деревня Сен-Синь расположена на опушке Нодемского леса (Нодем — искаженное Нотр-Дам); к лесу ведет аллея вязов, та самая, на которой Куро учуял шпионов. После смерти «великого маркиза» охотничий павильон был совсем заброшен. Вице-адмирала гораздо больше привлекали море и двор, чем Шампань, а сын его предоставил домик в распоряжение Мишю.

Это изящное сооружение сложено из кирпича, а его углы, двери и окна украшены резным камнем. Со всех сторон оно окружено чугунной оградой превосходной работы, но сильно заржавевшей; за нею тянется широкий и глубокий ров, вдоль которого вздымаются могучие деревья и высится изгородь, угрожающая злоумышленникам бесчисленными шипами.

Стена парка проходит позади круглой охотничьей площадки. За нею виден широкий полумесяц обсаженного вязами откоса, а соответствующий ему полукруг внутри парка состоит из массивов экзотических деревьев. Охотничий домик находится в самом центре площадки, окаймленной двумя подковами лужаек. Мишю устроил в залах нижнего этажа конюшню, хлев, кухню и дровяной сарай. От былой роскоши осталась только прихожая, выложенная белым и черным мрамором; сюда ведет со стороны сада дверь-окно с маленькими стеклышками; такие двери еще недавно были в Версале, до того как Луи-Филипп превратил этот дворец в богадельню былой славы Франции⁴. Внутри домик разделен надвое старинной лестницей, источенной червями, но очень характерной для архитектуры того времени; она ведет в верхний этаж, где расположено пять низковатых комнат. Еще выше — просторный чердак. Сей почтенный дом увенчан высокой четырехскатной крышей с гребнем и двумя свинцовыми букетами; в крыше четыре слуховых окна, которые так любил Мансар, и был вполне прав, ибо во Франции аттик и плоские, на итальянский манер, крыши — бессмыслица, против которой восстает сам климат. Здесь Мишю устроил сеновал. Участок парка, прилегающий к этому старинному домику, выдержан весь в английском вкусе. Раньше шагах в ста отсюда находилось озеро; теперь это обыкновенный пруд, изобилующий рыбой; о его близости можно судить по легкому туману, стоявшему над деревьями, и по кваканью лягушек, жаб и прочих земноводных, любящих поболтать на закате солнца. Ветхость дома, глубокое безмолвие парка, перспек-

тива аллеи, дальний лес, тысячи мелочей вроде изъеденной ржавчиной решетки или груды замшелого камня — все придает охотничьему домику, существующему и поныне, особую поэтичность.

В ту минуту, когда начинается эта история, Мишю сидел, облокотись на покрытую мхом каменную ограду, где лежали его картуз, платок, пороховница, отвертка, тряпки — словом, все принадлежности, необходимые для его загадочных приготовлений. Стул, на котором сидела его жена, стоял возле наружной двери павильона, над которой еще сохранился отлично изваянный герб Симезов и их благородный девиз: «*Si meurs!*»⁵ Мать, одетая по-крестьянски, поставила свой стул перед стулом г-жи Мишю, чтобы дочь могла опереться ногами на перекладину и таким образом уберечь их от сырости.

— А где малыш? — спросил Мишю у жены.

— Бродит около пруда; его не оторвешь от всяких букашек да лягушек.

Мишю свистнул так, что можно было затрепетать. Быстрота, с какой прибежал его сын, свидетельствовала о деспотизме гондревильского управляющего. С 1789, а особенно с 1793 года Мишю стал почти полновластным хозяином этих мест. Страх, который он внушал жене, теще, слуге-подростку по имени Гоше, а также служанке Марианне, распространялся на всю округу. Пожалуй, не стоит больше медлить с объяснением причин, вызывавших подобное чувство, тем более что это в какой-то мере дополнит нравственный портрет Мишю.

Старый маркиз де Симез распродал свои имения в 1790 году; но события опередили его, и он не успел передать в надежные руки прекрасное поместье Гондревиль. Маркиз и его супруга были обвинены в сношениях с герцогом Брауншвейгским и принцем Кобургским и заключены в тюрьму; революционный трибунал в Труа, председателем которого был отец Марты, приговорил их к смертной казни. Таким образом их прекрасное имение стало достоянием государства. Во время казни маркиза и его супруги многие не без ужаса заметили среди толпы главного лесничего Гондревилья, ставшего председателем Якобинского клуба в городе Арси; он нарочно приехал в Труа, чтобы присутствовать при казни. Мишю, сын простого крестьянина, сирота, был облагодетельствован маркизой; она воспитала его у себя в замке, а затем назначила своим лесничим; поэтому даже наиболее фанатичные люди считали его своего рода Брутом, а после проявленной им неблагодарности все земляки отвернулись от него. Имение Гондревиль было куплено неким Марионом, жителем Арси, внуком бывшего управляющего Симезов. Этот человек, занимавшийся до и после революции адвокатурой, боялся лесничего; поэтому он взял его в управляющие, назначил ему три тысячи ливров жалованья да отчисления от доходов с поместья. Мишю, известный как ярый патриот и уже слышавший обладателем капитала тысяч в десять, женился на дочери кожевника из Труа, который считался апостолом революции в этом городе, где он председательствовал в местном революционном трибунале. Кожевник этот, человек твердых убеждений и характером своим походивший на Сен-Жюста⁶, впоследствии оказался замешанным в заговоре Бабёфа⁷ и, чтобы избежать казни, покончил жизнь самоубийством. Марта была самой красивой девушкой в Труа. Поэтому, вопреки своей скромности, она была вынуждена, по воле грозного отца, изображать богиню Свободы во время одного из республиканских празднеств. За семь лет новый владелец Гондревилья и трех раз не побывал в своем поместье. Так как его дед был управляющим у Симезов, то весь город

Арси решил, что Марион действует в интересах этой семьи. Пока продолжался террор, смотритель Гондревилья — ярый патриот, зять председателя революционного трибунала в Труа, человек, обласканный Маленом (Обским), одним из депутатов этого департамента, — пользовался некоторым уважением и сознавал это. Но когда Гора⁸ была разгромлена, когда тесть его лишил себя жизни, Мишю превратился в козла отпущения; все поспешили приписать и ему и тестю такие дела, к которым сам Мишю не имел никакого касательства. Лесничий возмущился людской несправедливостью, замкнулся в себе, ожесточился. Мишю стал дерзким. Однако после 18 брюмера он хранил глубокое молчание, которое является философией сильных людей; он уже не воевал с общественным мнением, довольствуясь тем, что действует; эта мудрая сдержанность привела к тому, что его стали считать хитрецом, ведь он располагал капиталом тысяч в сто, вложенным в землю. Но, во-первых, он ничего не тратил; во-вторых, это состояние он скопил вполне законным путем — как благодаря наследству, оставленному тестем, так и благодаря тем шести тысячам в год, которые Мишю получал в виде жалованья и процентов. Хотя он был уже двенадцать лет управляющим и каждый без труда мог подсчитать его сбережения, все же, когда в начале Консульства этот бывший сторонник Горы купил себе ферму за пятьдесят тысяч франков, жители Арси стали возмущаться и обвинять его в намерении вернуть себе былой вес при помощи большого состояния. К несчастью, в то самое время, когда о бывшем монтаньяре уже начали забывать, одна нелепая история, раздутая провинциальными сплетнями, вновь укрепила всеобщую уверенность в том, что это человек необычайной жестокости.

Как-то вечером, выходя из предместья Труа в обществе нескольких крестьян, среди которых был и арендатор Сен-Синя, Мишю обронил на дороге какую-то бумажку; арендатор, шедший позади других, нагнулся и подобрал ее; Мишю оборачивается, видит бумажку в руках этого человека, тут же выхватывает из-за пояса пистолет, заряжает его и грозит фермеру (а тот учился грамоте), что немедленно прострелит ему голову, если он осмелится развернуть бумагу. Движения Мишю были так проворны, так резки, голос его звучал так грозно, глаза пылали таким огнем, что все онемели от ужаса. Арендатор сен-синьской фермы, естественно, был врагом Мишю. Все состояние мадмуазель де Сен-Синь, кузины Симезов, состояло в этой единственной ферме, а жила она в своем замке Сен-Синь. Весь смысл существования мадмуазель де Сен-Синь заключался в ее двоюродных братьях-близнецах, с которыми она играла девочкой в Труа и Гондревиле. Ее единственный родной брат Жюль де Сен-Синь, эмигрировавший раньше, чем братья Симезы, был убит под Майнцем; но благодаря довольно редкой привилегии, о которой речь будет ниже, роду Сен-Синей не грозило угаснуть из-за отсутствия мужских представителей. Столкновение между Мишю и сен-синьским фермером вызвало шум во всей округе и еще сгустило тот налет таинственности, который лежал на Мишю; однако были и другие причины, делавшие его опасным в глазах окружающих. Несколько месяцев спустя после этого происшествия гражданин Марион, в сопровождении гражданина Малена, приехал в Гондревиль. Прошел слух о том, что Марион собирается продать имение этому человеку; политические события пошли Малену на пользу: первый консул, желая вознаградить Малена за услуги, оказанные им 18 брюмера, назначил его членом Государственного совета. Тут политики захолустного городка

Арси догадались, что Марион был подставным лицом Малена, а не господ Симезов. Всесильный государственный советник был самой важной персоной в городе. Он устроил одного из своих политических единомышленников в префектуру Труа, выхлопотал освобождение от воинской повинности сыну одного из гондревильских фермеров, по имени Бовизаж, — словом, старался всем услужить. Поэтому сделка не должна была встретить никаких возражений в этих местах, где Мален был и еще теперь продолжает быть хозяином. То была заря Империи. Тот, кто в наши дни читает историю Французской революции, даже представить себе не может, какими огромными интервалами отделяла тогда человеческая мысль события, в действительности столь близкие одно от другого. Жажда спокойствия и мира, которая после этих бурных потрясений ощущалась всеми, вытеснила из памяти людей даже самые значительные события недавних лет. История быстро старела, ибо возникали все новые жгучие интересы. Поэтому никто, кроме Мишю, не вспоминал, как началось это дело; оно казалось всем вполне естественным. Марион, в свое время купивший Гондревиль за шестьсот тысяч франков ассигнациями, продал его за миллион золотом; однако Мален выложил наличные лишь за составление купчей. Гревен, старый товарищ Малена по конторе, конечно, покровительствовал этой сделке, а государственный советник отблагодарил его тем, что выхлопотал ему место нотариуса в Арси. Когда эта новость дошла до охотничьего домика, куда ее принес арендатор «Груажа» — фермы, расположенной между лесом и парком, справа от великолепной аллеи, — Мишю побледнел и вышел из дому; он стал разыскивать Мариона и наконец встретил его в одной из аллей парка; Марион был один.

— Вы продаете Гондревиль?

— Продаю, Мишю, продаю! Вашим новым хозяином будет человек весьма влиятельный. Государственный советник — друг первого консула; он приятель со всеми министрами и может быть вам, полезен.

— Вы, значит, берегли имение для него?

— Ну, это не совсем так, — ответил Марион. — В те времена я не знал, куда поместить деньги, и решил, что самое надежное вложить их в конфискованные земли; но мне неудобно оставаться владельцем поместья, принадлежавшего семье, у которой мой отец был...

— Слугою, управляющим, — резко оборвал его Мишю. — Однако вы не продадите имение Малену! Я сам хочу купить его, денег у меня хватит.

— Ты?

— Да, я; и я не шучу; я готов уплатить вам наличными восемьсот тысяч.

— Восемьсот тысяч? Да откуда же они у тебя? — удивился Марион.

— Это вас не касается, — возразил Мишю. Потом, смягчившись, добавил чуть слышно: — Мой тесть спас немало людей.

— Но ты опоздал, Мишю, дело уже сделано.

— Откажитесь от него, сударь! — воскликнул управляющий и, схватив руку своего хозяина, сжал ее словно тисками. — Меня ненавидят, вот я и хочу стать богатым и сильным; мне нужен Гондревиль! Слушайте, я жизнью не дорожу, и либо вы продадите имение мне, либо я вас застрелю...

— Дайте хоть время, чтобы отделаться от Малена, ведь это не так легко...

— Даю вам сутки. А если вы хоть словом обмолвитесь на этот счет, я снесу вам голову с плеч, как кочан капусты.

Ночью Марион и Мален уехали из замка. Марион перепугался; он рассказал государственному советнику об этой встрече и посоветовал не спускать глаз с управляющего. Марион не мог не выполнить своих обязательств и не передать имение тому, кто действительно за него заплатил, а Мишю, видимо, не в состоянии был ни понять, ни признать такой довод. К тому же услуга, которую Марион оказывал Малену, должна была стать и действительно стала источником политической карьеры Мариона и его брата. В 1806 году Мален добился назначения стряпчего Мариона первым председателем суда, а когда была учреждена должность управляющих окладными сборами, он ископтал эту должность в департаменте Об для брата стряпчего. Государственный советник настоял на том, чтобы Марион остался в Париже, и сообщил обо всем министру полиции, который приказал установить за Мишю наблюдение. Чтобы не толкнуть Мишю на крайности, а может, и чтобы следить за ним, Марион, невзирая на все это, не уволил его, и Мишю продолжал управлять имением под надзором арсийского нотариуса. С этого времени за Мишю, становившимся все угрюмее и задумчивей, утвердилась репутация человека, который способен даже на преступление.

Мален, будучи государственным советником (а эту должность первый консул приравнивал тогда к должности министра) и являясь, кроме того, одним из составителей Кодекса, слыл в Париже лицом весьма влиятельным; он приобрел один из лучших особняков Сен-Жерменского предместья и еще до этого женился на единственной дочери Сибюзля, богатого, но сомнительной репутации коммерсанта, которого он устроил помощником Мариона в управление окладными сборами департамента Об. Поэтому он посетил Гондревиль всего-навсего один раз, вполне полагаясь на Гревена в деле защиты своих интересов. Да и чего было ему, бывшему депутату департамента Об, опасаться со стороны бывшего председателя арсийского Клуба якобинцев? Однако дурное мнение о Мишю, сложившееся в низших классах, стала под конец разделять и буржуазия; Марион, Гревен, Мален, осторожно и не вдаваясь в объяснения, начали отзываться о нем как о человеке крайне опасном. Местные власти, получившие приказ министра полиции наблюдать за управляющим, не опровергли установившегося мнения. В конце концов жители департамента Об стали удивляться: почему Мишю все-таки продолжает занимать место управляющего; но эту снисходительность Малена объясняли тем ужасом, который Мишю внушал всем окружающим. Кому теперь не будет понятна глубокая печаль, сквозившая во всем облике жены этого человека?

Прежде всего следует сказать, что Марта была воспитана матерью в духе глубокого благочестия. Как истых католичек, их обеих очень удручал образ мыслей и поведение кожевника. Марта краснела от стыда при одном воспоминании о том, как ее возили по улицам Труа в виде языческой богини. Она и замуж вышла по воле отца за Мишю, дурная слава которого все росла, а вместе с тем Марта так боялась мужа, что никогда не осмеливалась его судить. Однако она чувствовала себя любимой, и в глубине ее сердца тоже таилась самая искренняя привязанность к этому страшному человеку. Она никогда не замечала, чтобы он был несправедлив, никогда не слышала от него грубого слова — по крайней мере, по отношению к ней; наконец, он старался угадывать все ее желания. Несчастный отщепенец полагал, что он неприятен жене, и старался как можно меньше бывать дома. Марта и Мишю не доверяли друг другу и находились в

состоянии так называемого вооруженного мира. Марта проводила дни в полном одиночестве и очень страдала от всеобщего недоброжелательства, которое последние семь лет тяготело над нею, ибо люди считали ее отца палачом, а мужа — предателем. В долине, справа от аллеи, стояла ферма «Белаш», которую арендовал Бовизаж, человек преданный Симезам, и Марте не раз доводилось слышать, как обитатели фермы, проходя мимо дома Мишю, говорили: «Вот Иудины хоромы!» И действительно, ее мужа прозвали в округе Иудой из-за его странного сходства с тринадцатым апостолом, — сходство, которое сам он как будто постарался дополнить внутренними своими качествами. Вот от этих-то невзгод да от постоянной смутной тревоги за будущее и стала Марта такой задумчивой и сосредоточенной. Ничто так не гнетет, как незаслуженный позор, избавиться от которого нет возможности. Художник мог бы создать прекрасную картину, изобразив эту семью отверженных, живущую в одном из красивейших уголков Шампани, пейзажи которой обычно овеяны печалью.

— Франсуа! — крикнул управляющий, чтобы сын поторопился.

Франсуа Мишю, мальчик лет десяти, чувствовал себя в парке и в лесу полным хозяином — лакомился фруктами, охотился, не знал ни забот, ни огорчений; он был единственным счастливым существом в этой семье, отделенной от окружающего мира парком и лесом, подобно тому как в нравственном смысле ее отделяло от людей всеобщее презрение.

— Собери-ка все это, — сказал Мишю, указывая сыну на вещи, лежащие на каменной ограде, — и спрячь. Смотри мне в глаза! Ты нас с мамой любишь? — Мальчик бросился к отцу, чтобы обнять его, но Мишю переставил карабин и отстранил сына. — Слушай: тебе не раз случалось болтать о том, что у нас тут делается, — сказал он, устремив на мальчика пристальный взгляд, подобный взгляду дикой кошки. — Так хорошенько запомни следующее: если ты будешь рассказывать даже о самых ничтожных пустяках, происходящих здесь, хотя бы Гошэ, людям из Груажа или Белаша или даже Марианне, которая любит нас, — ты погубишь отца. Смотри, чтобы этого больше не было, и я прошу тебе твою прежнюю болтливость.

Мальчик расплакался.

— Не хнычь. О чем бы тебя ни спросили, на все отвечай, как крестьяне: «Не знаю». Тут в округе шныряют какие-то люди, и мне это не по душе. Ну, вот! И вы обе — вы тоже слышали? — обратился Мишю к женщинам. — Так и вы держите язык за зубами.

— Друг мой, что ты затеял?

Мишю тщательно отмерил порошу на заряд, высыпал его в ствол карабина, прислонил ружье к стенке и сказал Марте:

— Никто у меня этого карабина не видел. Заслони-ка его.

Тут Куро вскочил и яростно залаял.

— Славный, умный пес! — промолвил Мишю. — Я уверен, что это сыщики...

Человек чувствует, когда его выслеживают. Куро и Мишю, у которых, казалось, была одна душа, жили в таком же единении, в каком живет в пустыне араб со своим конем. Управляющий знал все оттенки его лая и по нему угадывал мысли собаки, точно так же как собака читала по глазам мысли хозяина, чуяла их, словно они излучались его телом.

— Ну как тебе понравится? — возмущенно прошептал Мишю, указывая жене